В первую же ночь на Драконьем Камне он измотал себя с женой и снова порезал руку, напитывая кровью яйца. Он чуть не потерял сознание, так бы и случилось, если бы Маргери не застала его за мгновение до того, как у него потемнело в глазах. Мейстер Крессен и молодой мейстер, прибывший, чтобы заменить его, когда он больше не сможет выполнять свои обязанности, уложили его в постель. Мейстер Крессен, должно быть, сказал что-то о давней привычке Джона причинять себе вред, потому что никто не упомянул об этом при нем, только сказал, что он должен оставаться в постели по крайней мере на одну ночь. Он попросил позвать Дени.

Когда она вошла в палату больного, она была достаточно взволнованна, что её маленькие руки тряслись подобно его собственным. "Что это такое?" Спросила она. "Джейхейрис, пожалуйста".

Он заставил себя улыбнуться ей, стараясь как можно дольше оставаться Джейхейрисом, ее племянником, всей ее семьей. Одна эта улыбка отняла у него столько сил, что он чуть не потерял сознание. "В яме для костра лежат три яйца", - сказал он ей. "Я дал им слишком много крови, но скоро им понадобится еще больше. Мне придется вернуться в Королевскую Гавань. Мне нужно освободиться от них, и я не буду свободен, пока они не вылупятся".

Она посмотрела на него своими широко раскрытыми фиолетовыми глазами. Он сделал резкое движение рукой в сторону камина. Он узнал, мерцание в ее глазах, и желание приблизиться слишком хорошо. Она тоже слышала их, и на мгновение он почувствовал тошноту от чувства вины, что включил ее в эту группу, навлек на нее проклятие. Ее глаза снова встретились с его, теперь уже твердо и решительно, и Джон оттолкнул чувство вины. То, что было сделано, уже не исправить. "Что ты хочешь, чтобы я сделала?"

Джон издал сухой смешок. "Лучше ничего, но, боюсь, у нас нет выбора. Если они позовут тебя, ты должна их накормить. И когда придет время, ты должна скормить их Пасти Дракона. Ты станешь Матерью Драконов".

Она одарила его быстрой улыбкой, почти задумчивой. "Спасибо", - сказала она, и ее голос был таким искренним, что ему стало больно. Она понятия не имела, за что благодарит его, что берет на себя. Все, что он мог сделать, это напомнить себе, что она была намного, намного сильнее, чем выглядела.

Джон пожал плечами и, клянусь богами, пожалел, что не может дать ей более четких указаний. "Ты узнаешь, что делать", - сказал он ей. Пламя и кровь, как он уже знал, были больше, чем просто девиз Дома. "Забери их в свои покои. Я хочу увидеть свою жену и детей".

Она кивнула. Когда она подняла яйца, он заметил, что они обожгли ее платье, но не кожу. Он снова заснул, а когда проснулся снова, то увидел Маргери и их детей. Дункан неуверенно балансировал на пуховой перине Джона, его темно-фиолетовые глаза светились радостью, когда он раскачивался, не в силах, казалось, устоять на месте. "Папа", - позвал он его, и Джон едва сдержал комок в горле при звуке этого слова, которое он не слышал слишком долго и никогда не с таким отчетливом произношением.

Маргери устроилась на кровати рядом с ним и передала Лиарру, которая с любопытством посмотрела на него. Она казалась почти в два раза больше, чем была, когда Джон видел ее в последний раз, и, казалось, гораздо лучше осознавала окружающий мир. Пушистые детские волосы на ее макушке завились, самые длинные пряди грозили закрутиться, как у него, как у Дункана, только такие же черные, как у Старков в старину. При её виде грудь Джона сжалась от какого-то чувства, которое он до сих пор не знал, как назвать. Когда она посмотрела на него, в ее глазах не было узнавания, но Джон не был уверен, что она достаточно взрослая, чтобы

что-то узнать, не говоря уже об отце, отсутствовавшем несколько лун подряд. Маргери прижалась к нему, ее вес был теплым, уютным и знакомым, и, боги, он так соскучился по этому, по близости, по ощущению семьи, причастности. Он обнял ее одной рукой и прижал к себе так крепко, как только мог, пока их малыши были с ними в комнате. "И как Королевская Гавань?" Спросила она его.

Джон поморщился. "Воняет", - сказал он. "Красный Замок прекрасен, но сам город - это выгребная яма. Я не знаю, как никто никогда не подумал сделать что-то, чтобы очистить его. От политики у меня болит голова. Король Роберт - добросердечный дурак, а вот его сын - да... он ужасен. Я думаю, он считает меня другом, потому что я всего на несколько дней старше, но он заставляет меня хотеть ... боги, я даже не знаю".

Она слегка кивнула. "В каком-то смысле это облегчение, не так ли?" Тихо спросила она. "Если бы наследником Короля Роберта был кто-то, кем можно было бы восхищаться, все было бы намного сложнее".

Джон глубоко вздохнул и кивнул. Дункан, казалось, устал от своих акробатических подвигов и через мгновение бросился в объятия матери, его серебристо-светлые волосы резко контрастировали с черно-бледно-голубым платьем. Его темно-фиолетовые глаза были внимательны, пока он наблюдал за ними обоими, гораздо умнее, чем Джон мог ожидать от такого молодого парня. И, Боги, когда это Дункан успел так вырасти? Теперь его тело напоминало скорее маленького ребенка, чем младенца. Большая часть жира на нем, казалось, исчезла с тех пор, как Джон видел его в последний раз, превратившись в более длинные, прямые конечности и этот тревожно проницательный взгляд.

"Пусть он и дальше считает тебя своим другом", - сказала Маргери. "Даже если это означает, что ты должен слышать вещи, или даже говорить, которые беспокоят тебя. Не стоит делать 'принца' врагом раньше, чем нужно".

Джон кивнул, глядя сверху вниз на Лиарру, которая обхватила своими крошечными пальчиками его гораздо более крупный и грубый палец. Он внимательно посмотрел на нее, а потом снова перевел взгляд на Маргери. "Мне нужно, чтобы ты была со мной", - сказал он. "Я не знаю, как управлять всем этим. Меня смущает, почему люди делают то, что они делают. Лорд Варис сбивает меня с толку, а Лорд Бейлиш проводит свободное время, управляя борделями. Пикель - презренный человек, а Ланнистер - такой... что я не понимаю, почему до сих пор никто ничего не сделал. А Сир Барристан выглядит так, будто ему хочется заплакать каждый раз, когда я встречаю его-"

"Джон", - сказала Маргери очень мягким и нежным голосом. Она подняла руку, которая не касалась кудрей Дункана, и положила ее ему на щеку. "Я бы пошла с тобой, если бы могла. Но даже если бы я захотела оставить наших детей, я не смогла бы. В моем животе есть еще один. С тех пор, как ты впервые отправился в Королевскую Гавань, и Мейстер Крессен сказал мне, что я не могу делать что-то столь напряженное, как путешествие, особенно от того, что это произошло так скоро после рождения Лиарры". Она провела большим пальцем по его скуле, прежде чем накрыть его губы, останавливая все слова, угрожающие сорваться с его губ, извинения, мольбы и все остальное. "Нам нужен новый Мастер над Законами, не так ли?"

Джон кивнул, стараясь подавить бурлящую кашу, в которую превратился его живот, стараясь быть храбрым, бесстрашным, верить, что это не причинит им вреда, что с Маргери все будет хорошо, как и в прошлый раз. Бран и Рикон родились с разницей в один год, вспомнил Джон. С леди Кейтилин все было в полном порядке, хотя роды прошли трудно. Рикон и Бран тоже были в полном порядке. А Маргери уже давно миновала те годы, когда роды были равносильны

убийству. Она была сильной и храброй, и она не была Лианной Старк. То, что мать Джона умерла при родах, вовсе не означало, что его жена умрет точно так же, и он не мог позволить этому страху каждый раз выводить его из строя.

"Рекомендую Уилласа", - сказала Маргери. "В данный момент он не нужен в Пределе. Он лучше разбирается в политике, чем Лорас. И благодаря тебе Король Роберт больше не ненавидит нас всех. Мой брат добрый и справедливый. Он будет уважать эту должность и поможет тебе оставаться в безопасности. Если я не смогу быть с тобой, я пошлю к тебе столько своих братьев, сколько смогу".

Джон почувствовал, как на его губах заиграла улыбка, повернулся к ней и запечатлел в уголке ее рта короткий, но крепкий поцелуй. "Обязательно", - сказал он. "Я тебе обещаю".

"Хорошо", - сказала она. Ее рука переместилась на его подбородок. Она провела большим пальцем по его нижней губе. "Слушай его", - приказала она. "Доверяй ему. Пошли за ним, даже если ты не можешь назначить его. Может быть, он больше и не боец, но у него блестящий ум, и он никогда не допустит, чтобы кто-то из нас пострадал, если сможет. Он ведь тоже твой брат, не забывай".

Джон сглотнул и кивнул, наклонившись, чтобы еще раз поцеловать ее в губы, на этот раз более твердо и прямо. Он отстранился раньше, чем хотел бы, когда Дункан попытался съесть его куртку. "Ты присмотришь за Дейнерис?" Спросил он. "То, через что я прошел, чтобы высиживать этих драконов... Я никому не пожелал бы этого, и все же я попросил ее об этом. Иногда ей может понадобиться Мейстер. Возможно, ей просто понадобится друг, который не станет осуждать ее, даже если она не сумеет скрыть свои шрамы". Он глубоко вздохнул, внезапно почувствовав себя чудовищем. "Боги, как я мог просить ее об этом? Я знаю, на что это похоже, и-"

"Она Таргариен", - тихо сказала Маргери. "Точно так же, как и с тобой, я сомневаюсь, что эти яйца когда-нибудь дадут ей отдохнуть. Я буду рядом с ней. Я буду помогать ей и поддерживать ее, как она будет помогать мне и нашим малышам. Но я не потерплю твоей вины. Ты меня слышишь? Никакой вины, Джон. У тебя нет причин чувствовать это".

Джон неуверенно кивнул и наклонился к ней, прижавшись лбом к ее лбу в их старом почти ритуальном движении. Хотя он часто проклинал свой собственный рост, часть его была благодарна, что они все еще были достаточно близки друг к другу по размеру, чтобы быть в состоянии делать это. Он крепче обнял Лиарру и свободной рукой провел по все еще плоскому животу Маргери, позволив себе представить, что чувствует, как где-то внутри растет их ребенок.

Она наклонилась ближе, поцеловала его в челюсть, и тут Дункан прервал ее, вновь обретя прежнюю энергию, достаточную, чтобы прыгнуть на них с юношеским энтузиазмом, заставившим Маргери рассмеяться. И Джон, увидев выходки сына и радостные возгласы жены, не мог не присоединиться к их восторгу.

"Я не хочу возвращаться", - сказал он ей, когда все они последовали зову своих голодных желудков вниз к кухне замка, Джон все еще шатался от потери крови и молился Богам, чтобы Мейстер Крессен не затащил его в постели. "Все, чего я хочу, это остаться здесь с тобой и малышами".

Она протянула руку и ухватилась за его распущенные кудри. "Мы присоединимся к тебе", - сказала она. "Когда придет время. До тех пор... Драконий Камень хранил Дейнерис и Визерис в

безопасности гораздо дольше, чем где-либо еще. Может быть, это и к лучшему, что я вынуждена остаться здесь, как бы мне ни хотелось присоединиться к тебе. А пока проводите время с простолюдинами. Посещай приюты. Позаботься об этих людях, Джон. Хотим мы этого или нет, но что-то случится, и когда это случится, я хочу, чтобы народ полюбил тебя".

Джон кивнул, не думая о последней ее фразе, и сделал пометку следовать ее совету. Он решил попросить отца прислать к ней Сансу, по крайней мере на некоторое время. Они хорошо ладили, гораздо лучше, чем сам Джон когда-либо ладил со своей старшей сестрой-кузиной, и теперь большая часть времени и энергии Дейнерис уйдет на драконьи яйца. Маргери не помешало бы обзавестись подругой, а их детям - проводить побольше времени со своей тетушкой.

Поскольку его жена была беременна, Джон получал больше внимания, чем, по его мнению, мог бы получить в противном случае. Король Роберт был быстр с веселым ударом в плечо и бесполезными советами о том, что деторождение - прерогатива женщины. Если бы это было предоставлено только Роберту, подумал Джон, не было бы высказано никакого понимания, только совет оставить его Леди-жену в покое. К счастью, был еще и Джон Аррен, который поспешил заверить Роберта, что, поскольку Джон женился на Маргери так рано, они будут держаться друг за друга теснее, чем большинство Лордов и Леди в королевстве. Джон не утверждал, что знает, что это значит, и должен был проглотить некоторое унижение при этих словах, но он был благодарен за вмешательство, которое позволило ему возвращаться в Драконий Камень на несколько дней каждый лунный оборот.

Он смотрел, как живот Маргери снова наполняется ребенком, целовал её выпуклость и опускался ниже, в темноте их покоев, где никто не мог его увидеть. Он лил свою кровь к крови Дейнерис, открывая старые раны и разбрызгивая алые капли по яйцам драконов, как он научился много лет назад. Он обнимал Лиарру и играл с Дунканом, и каждый раз, когда ему приходилось возвращаться в Королевскую Гавань, он едва сдерживался, чтобы не сбежать с корабля. Каждый раз, когда он видел своих детей, они становились больше, но он не видел, как они растут. Это было так больно, что он даже не мог начать описывать.

И дети были не единственными, кто рос. Драконы теперь были гораздо крупнее лошадей. По ночам они бродили по Драконьему Камню и окружающим океанам, выискивая добычу и присваивая ее себе, как бы он ни боялся, что когда-нибудь кто-нибудь их увидит.

Санса приплыла довольно скоро, И это принесло Джону странное умиротворение - видеть одного из своих младенцев у нее на руках, в то время как другой был в безопасности в руках Маргери. Они так легко могли быть оставлены сами по себе, но вместо этого Нед Старк, дядя-отец Джона, ничего не сделал, только заверил их в своей поддержке, и Санса была живым воплощением этого. Даже если он никогда не научится ладить со своей сестрой-кузиной, он будет вечно благодарен ей за то, что она рядом.

"Почему ты всегда выглядишь таким грустным?" Спросила Санса однажды, когда он готовился сесть в лодку, чтобы вернуться в Королевскую Гавань. "Ты плывешь туда, где рождаются мечты. Ты должен быть счастлив".

Джон не мог найти подходящего ответа. Санса была еще так молода, и она всегда была мечтательницей. Он мог бы объяснить Арье, если бы она сама спросила, она, может быть, и моложе, но гораздо более цинична, гораздо более осведомлена о мире, каков он есть. "Я всегда скучаю по малышам", - сказал он в конце концов, и она легко приняла это. В конце концов, Нед Старк никогда не уходил далеко от своих законнорожденных детей.

"Они прекрасные малыши. Старк и Дейн. Это два самых старых, самых прославленных дома Вестероса", - сказала Санса, с таким количеством мечтательности на губах, что Джону захотелось закричать на нее, чтобы она проснулась и увидела реальный мир, в котором они жили, тот, где они все шли по лезвию ножа между простой хрупкой безопасностью и смертельной опасностью. Но он не мог, не хотел лишать ее этой сладкой невинности раньше времени. Он только надеялся, что сможет защитить ее, если дела пойдут плохо. "Мы позаботимся о них, обещаю тебе".

Джон посмотрел на нее, возможно, не совсем правильно, на сестру, которая всегда называла его 'бастардом' и 'сводным братом', всегда напоминала ему, кто он такой. Он не был уверен, что это означает, что она больше не попытается. "Позаботься о них", - наконец приказал он. "Маргери недооценивает опасность родов. Младенцы не знают об опасности. Пожалуйста".

Она кивнула. Во всяком случае, она была достаточно Северянкой, чтобы знать, к чему могут привести роды, даже если ее Леди-матери всегда везло. "Они Старки, Милорд", - сказала она тогда. "Они не падут так легко, как что-либо другое. Старки терпят".

Джон не мог не улыбнуться ей в ответ, даже когда корабль уносил его прочь от людей, которые нуждались в нем больше всего.

http://tl.rulate.ru/book/40965/919681